

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

С.А. Комиссаров*

Вэньжэнь — «человек культуры» или человек *вэни*?

АННОТАЦИЯ: В статье представлена критика понятия «человек культуры» (*вэньжэнь*), широко распространённого в Китае в период Средних веков и Нового времени. Под прикрытием вполне благозвучного термина осуществлялась (кстати, вполне естественная) замена сакрального понимания творчества на обыденное; вместо «полной гибели всерьёз» предлагались изысканные и приятные развлечения. Типологические соответствия концепции *вэньжэнь* автор статьи видит в явлении дендизма, возникшего в Европе через много столетий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *вэнь*, человек культуры, *вэньжэнь*, дендизм.

Перевод словосочетания *вэньжэнь* 文人 прямо зависит от значения, которое мы вкладываем в очень многозначный термин *вэнь* 文. Очевидно, впервые это сочетание зафиксировано в тексте *Ши цзина* («Великие оды», «Цзян Хань») в следующем контексте: 厘尔圭瓚，秬鬯一卣，告于文人. В русском переводе А.А. Штукина (под названием «Ода шаоскому князю Ху») данное сочетание *вэньжэнь* отнесено только к одному, вполне историческому, но при этом изрядно сакрализованному персонажу — царю Просвещённому, Вэнь-вану [Шицзин, 1987, с. 272, 337 (примеч.)]. В этом есть свой резон, поскольку Вэнь-ван понимался как предел для добродетельных деятелей прошлого и, соответственно, как образец для таких же деятелей в настоящем. Однако по контексту более точно (в данном случае) процитированная фраза представляется обращением к

* Комиссаров Сергей Александрович, к.и.н, с.н.с. ИАЭТ СО РАН, проф. кафедры востоковедения Гуманитарного института РГУ, Новосибирск, Россия; E-mail: sergai@mail.ru

добродетельным/просвещённым мужам ушедших поколений во множественном числе.

В дальнейшем этот двуслог не появляется на протяжении многих столетий (мне, во всяком случае, о таких явлениях не известно) — для того, чтобы возродиться в составе актуальных мировоззренческих терминов имперского времени. Так стали называть не умерших предков, а создателей некоторых текстов, литераторов. Сам термин ввёл в теоретический обиход известный философ Ван Чун (ок. 27–100) для обозначения пишущих послания и доклады для государя (см.: [Голыгина, 2008, с. 135]). Этим определялся их особый статус, избранность, что, в свою очередь, восходило к трактовке сущности *вэнь* мыслителями Древности и раннего Средневековья. «...Изящная словесность [*вэнь*] — предприятие великое, канва государственности» (пер. И.С. Лисевича), так писал в «Трактате о стильном произведении» его создатель Цао Пи, по совместительству — первый император государства Вэй, кстати, зарезервировавший за собой посмертное имя Вэнь-ди (см.: [Кравцова, 2008]). И такая возвышенная характеристика очень понятна, поскольку в общей картине мира *вэнь* оказывается непосредственно подчинённой *ци* (文以气为主), другой важнейшей категории традиционной китайской философии. Правда, в том же трактате мелькает и не столь благостная фраза: о «легковесном» отношении литераторов друг к другу: 文人相轻, 自古而然. В своём переводе этой фразы И.С. Лисевич, на мой взгляд, даже усилил внутрикorporативный конфликт («Издrevле так повелось, что люди изящной словесности, *вэнь*, пренебрегали друг другом...»). В любом случае, такое пренебрежение достижениями коллег несколько диссонировало с создаваемым исключительно положительным образом.

Но подобные мелкие шероховатости полностью перекрывались культовым отношением к предмету деятельности *вэньжэней* — собственно *вэни*, как её понимали ведущие творческие личности эпохи. Наиболее выразительно такое восприятие сформулировал Лю Се (466?–522?) в ещё одном литературно-теоретическом трактате *Вэнь синь дяо лун* («Дракон, изваянный в сердце письмён»): «Велико обаяние и сила *вэни*! Она ведь родилась вместе с небом-землёй! В самом деле, и солнце, и луна, и горы, и реки — все эти линии и формы природы суть *вэнь* (проявление) Великого *Дао*» [Алексеев, 2002, с. 68]. Соответственно, и тех *вэньжэней*, которые в своих произведениях исходили из максималистской задачи раскрытия Великого *Дао* (как сути всех событий в природе и обществе), следует в соответствии с подходом В.М. Алексеева называть не «люди культуры», а «люди *вэни*».

И тем не менее первый вариант перевода вполне оправдан и даже больше востребован. Понятно, что судьба «человека *вэни*» —

не для каждого, что их просто не могло быть слишком много. А при этом быть «in their number» было очень престижно, обеспечивало высокий социальный статус, в том числе и перед будущими поколениями. Поэтому создаются схемы, в которых талант вынужденно заменяется эрудицией, а одержимость — дисциплиной. Происходит вполне естественный процесс превращения сакрального в профанное, когда снижение качества высоких образцов в какой-то мере восполняется существенным ростом количества последователей. Ситуация, имеющая всеобщее распространение и обычно вполне разрешаемая на уровне конфликта хорошего с лучшим. Однако и она имела продолжение. Сказалась такая особенность китайского менталитета, как стремление к схематизации и классификации — своего рода многовековые попытки общества хоть как-то обуздать энтропию, пусть даже за счёт потерь в развитии. Был разработан обширный список навыков, которыми должен обладать *вэньжэнь* как «человек культуры». Ему полагалось сочинять различные тексты и уметь их оформлять (каллиграфия, живопись), а также распространять и сохранять (владеть чайной церемонией, искусством составления цветов и благовоний; создавать и описывать коллекции древностей и редкостей). Такой универсализм не только поддерживал высокий социальный статус, но и помогал успешно сдавать квалификационные экзамены, делать успешную карьеру.

Следующая стадия — это постепенная деградация самой идеи *вэньжэней*. Стремление к универсальности не способствовало новым художественным прорывам. А определённая самодостаточность в рамках довольно большой, но замкнутой группы провоцировала на пересмотр когда-то главного постулата всей концепции *вэньжэней*: стремление к общественной пользе, к службе на благо народа и государства. Создаваемые произведения в соответствии с новым подходом являются герметичными, что способствует их стилистическому совершенству. Причём относится сказанное не только к поэмам или картинам, но и к историческим или философским размышлениям. О влиянии такой моды свидетельствует, на мой взгляд, массовое распространение в эпоху Сун вполне добротных гуманитарных сочинений под подчёркнуто антисоциальными названиями типа: «Произведения автора, живущего у беспечно текущего ручья», «Собрание заметок, равное по ценности куриному ребру», «Записки Помахивающего мухогонкой», «Различные записи Одинокого трезвенника»¹ и т.п. Доходило до того, что такой великий труженик, как Оуян

¹ Названия взяты из библиографических описаний в книге С.Н. Гончарова [2006], специально выбранной за её историографическую полноту.

Сю (см.: [Алимов, 2008]), вынужден был в некоторых своих произведениях маскировать высокий профессионализм под обликом интеллектуального сибарита. Так постепенно *вэньжэнь* как «человек культуры», продолжая оставаться значимым образцом для воспроизведения частью образованных сословий, практически полностью утратил творческое начало. Для подтверждения этой мысли достаточно составить фразу типа «Ли Бай как человек культуры», чтобы тут же понять её бессмысленность (а вот «Ли Бай как человек *вэни*» — вполне).

Для лучшего понимания ситуации обратимся к сопоставительным материалам. Очень любопытная, на мой взгляд, реинкарнация китайской модели «человека культуры» произошла в Европе XIX в. в рамках феномена так называемого дендизма. Решению «сложнейших» задач типа: какую бутоньерку на вечер выбрать и какими духами её опрыскать, — английские (равно как и российские, французские и проч.) бездельники посвящали не меньше времени и сил, чем их средневековые китайские единомышленники. Подобное сопоставление представляется мне вполне перспективным, поскольку позволяет привлечь богатейший материал по литературному дендизму, хорошо опробованному и изученному западными авторами (включая сюда и российских). Так, до поры до времени образцовым литературным денди был Оскар Уайльд, сочетавший эпатажное поведение с созданием выдающихся произведений практически во всех жанрах (пьеса, роман, эссе, поэма, сказка). При этом он демонстративно отстранялся от любой дидактики. «Всякое искусство совершенно бесполезно», — с вызовом заявлял О. Уайльд в Предисловии к своему единственному роману. Разумеется, это не так (или, вернее, эту «истину наоборот» не следует понимать буквально). Именно «Портрет Дориана Грея» стал самым крупным произведением Уайльда (не только по количеству страниц) — прежде всего, будучи увлекательной историей о том, как писатель сумел одолеть собственную маску светского человека. Книга беспощадно развенчивает подобные идеи, показывая их бесплодность и гибельность.

Но сколь привлекателен, сколь обаятелен может быть дьявол — на пути к могиле. Позиция нарочитого отстранения от пошлости повседневной жизни захватывала многих. В русской литературе этот образ был воплощён, конечно же, А.С. Пушкиным в его великом романе в стихах. В своё время меня ставила в тупик фраза о том, что «быть можно дельным человеком // И думать о красе ногтей». Я же всегда полагал, что нет, нельзя. Но ведь классик не мог ошибаться. И лишь когда с помощью литературоведов удалось выяснить, что Онегин, несмотря на всю его изрядную внешнюю привлекательность, —

герой отрицательный, воистину пародия, то всё встало на свои места². И то, что он «как денди лондонский одет», подчёркивает его принадлежность к интернациональному племени пустоцветов³. Уровень его образования («чему-нибудь и как-нибудь») вполне соответствует характеристикам *вэньжэней* позднего извода (обо всём, но ни о чём). А убийство на дуэли Ленского, воспринимающего поэзию как высокое служение, приобретает принципиальный характер. Ведь возмужавший Ленский мог бы написать «Пророка», Онегин — никогда.

Творческий потенциал и российских (западных), и китайских *вэньжэней* переориентируется с больших задач на решение мелких вопросов, которые часто оказываются связанными с играми и игровым поведением. Впрочем, изначально такого противоречия не существовало, поскольку большинство игр носило сакральный характер. Так, пиры у изогнутой воды, судя по общим контурам потока, имели космологическое прочтение (см.: [Войтишек, Кудинова, Комиссаров, 2015]). Постепенно происходила десакрализация игровой практики (что естественно), но при этом вовлечённость в действие *вэньжэней* заметно возрастала (что печально). Участие в различного рода играх становится одним из признаков «человека культуры», хотя уже в позднем Средневековье и, тем более, в Новое время, например, те же пиры у изогнутой воды утрачивают своё ритуальное значение, превратившись в уютные пикнички, где можно выпить винца, блеснув эрудицией и даже некоторым мастерством версификаторства на потребу собравшихся. Какая в этом прелесть! И какая пошлость! «Человек культуры» может этому занятию предаваться, «человек *вэни*» — нет. Для проверки вывода вновь проведём мысленный эксперимент: представим, как на такое вот «собрание нечестивых» пришёл Ли Бай — Небожитель. Он сначала выловил бы все плывущие по канавкам чарки с вином, а затем, осушив их, принялся бы за воспитание виршеплётов.

На этой увлекательной, но, к сожалению, полностью умозрительной картине хочу завершить свои краткие заметки, ещё раз подчеркнув в заключение плодотворность привлечения для анализа китайских материалов разработанных в Европе и в России концепций дендизма и так называемого лишнего человека.

² Аналитический обзор представлен в лекции Д.Л. Быкова [2013].

³ В своё время, чуть ли не по горячим следам жёстко препарировал образ Онегина, который вдруг возмечтал «перечислить себя из тунеядцев в высшие натуры», великий наш критик Д.И. Писарев. Однако в пылу праведного гнева он попытался заклеить не только персонаж, но и автора, что, разумеется, было неприемлемым и просто неверным.

Литература

Алексеев В.М. Труды по китайской литературе: В 2 кн. / Сост. М.В. Баньковская; отв. ред. Б.Л. Рифтин. М.: Вост. лит., 2002. Кн. 1. 574 с. (Классики отечеств. востоковедения).

Алимов И.А. Оуян Сю // Духовная культура Китая: энцикл.: в 5 т. М.: Вост. лит., 2008. [Т. 3:] Литература. Язык и письменность. С. 373–377.

Быков Д. Лекции по литературе: Код Онегина. М.: Лекторий «Прямая речь», 2013 (Аудиокнига).

Войтишек Е.Э., Кудинова М.А., Комиссаров С.А. «Павильоны плывущих чарок» в храмах и парках Пекина // Общество и государство в Китае. Т. XLV, Ч. 2 (Уч. зап. ИВ РАН. Отд. Китая. Вып. 18). М.: ИВ РАН, 2015. С. 247–253.

Гольгина К.И. Теория и жанры литературы: Традиционная литературная теория // Духовная культура Китая: энцикл.: в 5 т. М.: Вост. лит., 2008. [Т. 3:] Литература. Язык и письменность. С. 132–145.

Гончаров С.Н. О Китае средневековом и современном: Записки разных лет. Новосибирск: Наука, 2006. 383 с.

Кравцова М.Е. «Дянь лунь лунь вэнь» // Духовная культура Китая: энцикл.: в 5 т. М.: Вост. лит., 2008. [Т. 3:] Литература. Язык и письменность. С. 300–303.

Шицзин: Книга песен и гимнов / Пер. с кит., коммент. А. Штукина; подгот. текста, вступ. ст. Н. Федоренко. М.: Худож. лит., 1987. 351 с.

S.A. Komissarov*

Who was *wenren* — a «man of culture» or a «man of *wen*»?

ABSTRACT: The article presents a critical attitude to the concept and phenomenon of *wenren* relatively widespread in China during Middle Ages and later. Under the cover of quiet euphonious term a sacred understanding of creation was replaced (*apropos*, very naturally) for a profane one. Exquisite and pleasant amusements were proposed instead of «earnest loss». Author of the article suggests typological conformity between some characteristics of *wenren* and the European concept of dandyism which emerged many centuries ago.

KEYWORDS: *wen*, man of culture, *wenren*, dandyism.

* Komissarov Sergey Aleksandrovich, PhD, senior researcher of the Institute of Archaeology & Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences; professor of the Chair of Oriental Studies, Humanitarian Institute, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; E-mail: sergai@mail.ru